

ШУМАДИНКА,

ЛИСТЪ ЗА

КНЪИЖЕВНОСТЬ, ЗАБАВУ И НОВОСТИ.

Учредникъ и издатель Любомиръ П. Ненадовићъ.

ТЕЧ. IV.

Овай листъ излази вторникомъ и петкомъ. Цѣна му е за три мѣсеца 4 цванцика.

№ 69.

ПОСЛЕДНЬ ЮТРО.

Пѣсна посвећена сѣни блаженопочивше ГОСПОЋЕ КЛЕОПАТРЕ.

Ноћ се тиха краю клони,
Плаво небо зоромъ руди.
На молитву звоно звони,
Успаваный светъ се буди.

Бданъ прозоръ отвара се,
И край нѣга неко седи;
У постель наслани се,
Жельно руйну зору гледи.

Уздисаня чую с' млога,
Горка суза ту се лие.
Рѣшила е судба строга;
Да за землю авѣлъ ние.

Сва надежда веће бега,
Смртъ немилла стрелу кув.
Сунце с' раѣа иза брега,
А с' прозора неко с' чуе:

„Лепый свете съ богомъ, съ богомъ,
На вѣки се я раставлямъ;
И све мило што е, съ тобомъ,
Све на вѣки я оставлямъ.

Мой е животь кратакъ быо,
Я на прагу гроба стонмъ;
Съ богомъ на вѣк' свете мио,
Я последнѣ часе бронмъ.

Принес'те ме садъ прозору,
Да юштъ едномъ сунце видимъ.
И да лепу летню зору,
Место росе сузомъ китимъ.

Све што видимъ све с' зелени,
Све весело овде цвета;
Само едной сада мени
Животь вене овогъ света.

Погледайте, сунце оно,
Одъ оногъ се раѣа края;
Гдѣ-но ербеко звони звоно,
То су краи мога рая.

Тамо, гдѣ-но брда стое,
Одъ кудъ сунце сада свя,
Отечество тамъ е мое,
Удалѣна ахъ Србня.

Тамо, тамо сунце мило,
Вуче мене моя желя;
Тамъ бы лакше мени было,
Украй мой родителя.

Садъ у тебе они гледи,
Са страомъ се богу моле;
Одъ свакога гласа стрепе
Нивно срце за многъ боле.

Сунце мило, прими мое,
Садъ последнѣ тужне желъ,
И путую' путе твое,
Поздрави ми родителя.

Зраци твои сѣино трепте
Ал' се мени тама вата;
Поздрави ми обе сестре,
И обадва мила брата.

Сунце лепо на томъ своду,
Я те выше видит' неѣу.
Сняй дуго — ербекомъ — — роду — — —
Мени мракъ е — — дайте — — свеѣу?!

Гласъ уѣута, съ уздисима,
Тихо прозоръ затвара се;
Сунце густимъ облацима,
Одъ жалости завня се.

А дрктеѣи рука една,
Жалостиве рѣчи пише:
„У зори ми сунце заѣе,
Клеопатре нема выше!“

(У Глайхенбергу Юлія 1855. год.)

ЧОВЕКОМРЗОСТЬ ИЗЪ НЕВѢРНЕ ЛЮБОВИ.

(продужено.)

Одма за нѣимъ доѣе Халоши к' нѣима двема, и за-
пита иѣ, шта е радіо кодъ нѣи онай младый офицарь.

„Ништа.“ Одговори мати прилично узнемирена. „Разговарали смо се само о юришивању на Будимь.“

„И о догодившимъ се убиствама при томъ.“ дода брзо Хедвига, видивши како јој се мати внутренѣ колеба и мучи. „Па то е маму тако узнемирило, да бы врло добро было, кадъ бы се удалили одавде.“

„Драга дѣцо, то можемо одма чинити,“ рекне Халози, претворно устрашенъ. „Та су господа тако непредосторожна са њиовимъ приповѣданѣмъ о убиствама: да бы заиста врло добро было, кадъ небы женске у њиова дружба никако ни долазиле. Айдмо, айдмо дѣцо!“

Непримѣтно изиђу ово трое изъ дружба и одукући.

Ни Албини дуго неостане. Кадъ е вино по гостима почело дѣйствовати, удали се и онъ, и оде у канцеларию Гергеіовогъ главногъ стана, гдѣ су ађутанти јоштъ у највећемъ послу были. Онъ се пріяви Шефу канцеларије, кои, о свему већъ извѣштень бывши, преда му неколико запечаћеный депеша, кое су были управлѣне на генерала Клапку, и препоручи му највећу предосторожность, будући да руске чете на оной страни, куда ће Албини морати проћи, непрестано тумараю. Албини благодари и оде, пошто е најпре заповѣдника едногъ малогъ одѣлена войске, кое ће га пратити, о часу ползка и мѣсту састанка, у знаѣ поставіо.

Дошавши у обиталиште свое, легне овако обученъ на постелю. Цѣо токъ досадашнѣгъ његовогъ живота прође му поредъ огледала душе њгове, и ужасаваюћи се, увиди онъ хиляде лига, съ коима е истый животъ окаянъ быо, одъ убиства Астуріевогъ, до уговора са Халозиѣмъ о убиству Хедвигиногъ. Њгова душа ние се могла одъ образа Хедвигиногъ разставити. Умилный онай анђелски ликъ, са црнымъ витицама косе и са онимъ магическимъ жарнимъ очима, дубоко су се у болю часть срца његовогъ улечатиле. Боля, благороднѣя чувства, пратиоцы њговы првашнѣ сређны дана, почела су се будити и тресла су се у ружичной свѣтлости надъ морскомъ пучиномъ, у којой е Молохъ њговій жертвы починао. Овай пробудивши се, викао му е са пакоснымъ смѣхомъ: „Та ты се выше неможешъ вратити, па ма како се превіаю! На твогъ животу почива клетва Каинова. Ты си за преступника жигосанъ, па никаква рѣка суза не може ти тай жигъ избрисати, съ коимъ самъ те я монимъ робомъ учиніо.“ — Но нешто изъ вышій сфера звонило е као благогласна музика: „Свакомъ каюћемъ се грѣшнику прашта се!“ — и ова два свађаюћа се чувства мучила су њгову душу и задржавали га у некомъ станю између сна и будности. Текъ после поноћи падне онъ у некій краткій немирный санъ. Но и санъ е стаю у саюзу са њговимъ свађаюћимъ се чувствама, еръ су замршена привиђеня и у сну занимала њгово узбуђено ображенѣ. Изпрва тамни и неясни, ступе, потомъ све ясній поедини образи предъ њга. Онъ е саяю, да лежи подъ тешкимъ стѣнама дубоко затрпаты, кое су га удавити претиле. Гадна створеня пружала су са свою страна изъ пукотина, свое главе плазећи се къ њму и пузила су преко његовогъ ладнимъ зноѣмъ покривеногъ лица. Едва е дисао. Садъ му се приближи

неко анђелско появленѣ, обасято небесномъ светлостю и почне стѣне обальвати и съ њга дизати, необзирући се на звиданѣ хиляду змія, кое су око њга палуцаюћи езикомъ скакале и трудиле се одъ предузетогъ посла поплашити га. Са небеско-тихимъ смѣшенѣмъ плашило е оно ове гадове и продужавало свой трудный посао. Јоштъ е валяло еданъ камень дѣћи па е сирома избавлѣнъ быо. — Садъ изкочи исподъ тогъ камена една шарена, грдно велика змія и шкрипећи и чегртаюћи устреми се управо к' срцу лежећегъ, да га еднимъ уедомъ уништи. Брзо као муња, сцепа оно небесно появленѣ исту змію и почне е давити, да е црна крвь на све стране прскала докъ напоследку неоконча. Јоштъ еданъ умилный и благосилый погледъ бацы то появленѣ кое е садъ Хедвигино лице на себе примило, на избавлѣногъ, пакъ се разліе као чистый ружичный зракъ. — Албини пробуди се. Дубоко га е санъ тронуо. Њговъ добрый Геній са лицемъ Хедвигинимъ одржао е побѣду.

Сатъ на Инвалидскомъ дому избіе два. Онъ скочи, зовне слугу, кои е у предсобію спавао, и заповѣди му да одма конѣ седла и кола путничка спреми.

За време, докле е Лаіошъ конѣ и кола спремао, сматрао е Піетро ведро, звездопуно Небо. Тужна чувства обузму му душу. Една му се суза укаже у оку, кое већъ три пуне године ние тай балсамъ имало. Благодарно разлади му она дивлю ватру у грудима њговимъ.

Лаіошъ яви да су кола и конѣ спремни. Албини му заповѣди, да съ колима оде у кралѣвску улицу, да стане поредъ гостилнице кодъ вароши Париза № 34 куће, и да прими у кола две госпе, съ коима у брзомъ трку да иде вацкимъ друмомъ.

Лаіошъ оде, а Піетро сиђе у авлію, узаше на његовогъ спремногъ већъ коня и упути се замишлѣнъ вацкомъ друму.

Оно одѣленѣ войске, кое му е дато за заштиту, већъ га е на еданъ пушкетъ одъ вароши чекало, а недуго за тимъ, па и Лаіошъ стигне га са свимъ колима и съ двѣма госпама у истимъ.

Албини изиђе іймъ на сусреть, и ту е то блаженство уживао, изъ очію Хедвигини топлу благодарность къ њму управлѣну видити, кою благодарность и мати са сузама у очима явно призна. „Мы вамъ усрдно благодаримо,“ рекне мати, „а у исто време и молимо васъ да се насъ, помоћи лишены и у будуће примите и непрестаный нашъ заштититель будете!“

„Последню капъ крви срца мога жертвовају за вашу обрану!“ повиче Піетро одушевлѣнъ, метнувши руку на силокуцаюће срце свое.

Еданъ любвепуный погледъ Хедвигинъ, награди га за то увѣренѣ.

„Па садъ пожуримо се да мало измакнемо, пре негъ што ће сванути,“ дода Піетро, пустивши свогъ коня у касъ, комъ примѣру цѣло е дружество слѣдовало, обколивши кола.

У два сата по подне загрми ова чета преко моста тврдинѣ коморанске. Албини се брзо побрине за удобнo смѣстиште оны двѣю женски, пак' за тымъ оде к' заповѣдняку тврдинѣ, Клапки.

IV.

Страшльиво дрѣе злодѣй.

Кадъ види да су му умилляи одкривени.

АЛЕКСАНДЕРЪ ДИМА.

У дубокой ноћи, пошто є Халоши свою сестру и нећаку кући одпратию, упути се онъ арапской улицы, самъ са собомъ полако се разговараюћи: „Ал' самъ будала быо, три хиляде дуката дати непознатомъ едномъ ниткову, безъ икаквогъ увѣреня да ће обећаѣ испунити! Ал' Каетано ми є емаць за оногъ могъ наймника! Да ли ћу га наћи, и какву ли ћу вѣсть получитьи? Већъ є 14 дана прошло, а онай красныи нитковъ к'о да свой посо ни почео ние!“ — У овомъ и подобномъ самоговору ступи Халоши у ону крчму кою мы већъ познаемо.

Само су двоица были унутра. Каетано и едноокаый крчмарь.

„Но, Каетано,“ проговори Халоши дошавшемъ му на сусретъ Каетану, „гдѣ су твои побратими?“

„Отишли су ово дана, некій к' югу некій к' сѣверу да свою срећу траже,“ одговори Каетано.

„А вашъ вођа?“ запита страшльиво Халоши.

„Какавъ вођа! Мы нисмо вође имали, мы смо были слободни люди!“ одговори Каетано раздражень.

„Дакле ко є быо онай младићъ, съ коимъ самъ я оно вече уговоръ еданъ заключио?“

„Исто као и мы, ал' вођа ние быо. Само што є свакдъ съ добримъ совѣтомъ при руцы быо, и новце пунимъ шакама између насъ разсипао, придобио є неку честь и узвишенъ између насъ. Ал' вођа!? Не то намъ наша честь небы допустити могла!“ одговори афектируюћи Каетано.

„За име божіе, гдѣ є дакле тай младићъ?“

„Незнамъ, немогу служити. И онъ є исто тако отишо, као и остали. А да немамъ я овдѣ, при свой строгости полиціе, приличанъ приходъ, и я бы већъ давно преко свою брда быо.“

„О, я самъ срамно преварень!“ урликао є Халоши, и сѣдне тужно на єдну столицу. Каетано се подсмева тельно насмеє. „То си ты кривъ, проклетый псе!“ повиче Халоши и скочи као бѣсомучанъ на Каетана.

„Лудаче!“ рекне Каетано, и уставши, баца Халошиа са философическомъ спокойностіу натрагъ на столицу.

„Ко ти є рекао да онако безъ главе радишь?“

„О мои лепи дукати!“ викао є Халоши. „Были су нама валяна часть. Мы смо башъ онда требали новаца, особито моя дружина за путованъ“ одговори смѣюћи се Каетано. „Тако вамъ башъ и треба,“ дода онъ оштро; „я самъ вамъ быо врло неспособанъ за онай посао, господине, пак' сте се на способниегъ обратили. Ха, ха, ха!“

„Да, да, тако быва увѣкъ ономъ кои людма добримъ невѣрує,“ дода едноокій крчмарь смѣюћи се.

„Шта да се чини садъ?“ закречи Халоши „говори добрый, драгій Каетано! светуй ме, помози ми!“

„Є ли? садъ самъ и я добаръ? ха? Пошто є другій награду однео, да ясовѣтуемъ и да помогнемъ? већ' ако бы лудъ быо!“

„Златный Каетано! помагай, я ћу те наградити како се ненадашь, само помози!“

(продужиће се.)

СПОМЕНИ ИЗЪ ПАРИЗА.

Палата Лувръ. Кадъ проѣдете поредъ цркви Сент-Жермен-л' Оксероа, цркве опустошене и обесчещѣне у грађанской законой войны а садъ опетъ поновљене, видићете предъ собомъ стубове одъ Лувра, ово майсторско дѣло, кое бы се могло поставити у редъ чудовишта, кадъ бы се данасъ у 19. столѣтію томъ и чему могло дати име чудовишта. Ово зданіе у єдно є и лако и велико, оно у найвышемъ степену саюжава у себи два найотличнія свойства архитектуры, якость и умилность, чему се човѣкъ неможе довольно дивити. Али где французске лакомыслености! сва ова величественость, изъ кое се види велико столѣтіе, обколѣна є простомъ та рабомъ. Цѣлу ову палату окружаваю даске. Не само да се нису око овы величествены зидова посадила каква лѣпа дрва, као што є была воля великогъ архитекта Перо, но расту коекакве разне траве; мѣсто лѣпе и фришке зелене траве расте страшанъ коровъ. Гадно є видити, уєдно толику красоту и богатство съ толикомъ небрежливости; коровъ, растѣніе развалина, кои съ уништеньемъ прети овой недовршеной палаты, овимъ благороднымъ зидовима; ту нема ни євѣнке какве лице. Толико кралѣва, республика, царства, устава провели су подъ овимъ сводовима, безъ да су мыслили, да посаде кое дрво, мало зелене траве, да уклоне ову дрвену ограду.

Кадъ сте све ово споля посмотрели, онда можете ући у дворъ Лувра крозь єдну велику капию. Овай є дворъ може быти одъ сѣга у Паризу найбогатіи и найлѣпшій, као да су га саме виле 16. италіянскогъ столѣтія одозго до доле украсиле; ово є єдно дѣло, у комъ су сєдинѣна художество и вкусъ, гдѣ наибольій редъ влада у измышльнымъ украшеніама. Богатство уређено и безпогрѣшно, то є дворъ Лувръ. Али баците само єданъ поглядъ на ово майсторско дѣло; єрѣ ако све изъ ближе подробно испитате, увидићете великій нередъ, велику небрежливость. Видићете предъ собомъ само развалину, и найжалостнію одъ свою развалина, развалину єдногъ памятника, кои ние быо довршенъ, смръть єдне палате, коя ние живила, єдно велико столѣтіе безъ усомена, єданъ одзивъ кои нема ништа да рекне, басамане, на коима ние никадъ была човѣчія стопа, сазидана пустошина, тишина и страшна празнина по онымъ истымъ мѣстима, гдѣ бы требало тражити движенъ, ларму, светкованъ, славу, художество, сылу, несрећу, революцію, пораженъ, све, што сачинява ову безимену стварь, коя се зове в л а с т ь!

Чудновата є склоность Француза, да све предузимаю, а ништа недовршую! У почетку сасвимъ ватрено,

а послѣ сасвимъ ладно! Ко рекне Французима: Луврѣ! Гле, та Віотія вреди више, него слава нѣна! Ево Лезвосо, кой се іошть и садъ своимъ Питайусомъ слави, чествујући нѣговъ споменъ и пренебрегаваюћи нѣгове примере. Видимъ Митимну, Антису Митилину; у нѣо-вимъ горама повторава одзвѣвъ умилне и божествене звуке Аріона, Анкиса, Сапере и Терпандра. . . А зарѣ тебе да заборавимъ, класичный предѣлу, кой си видіо, како се Грцы съ Троянцима боре. Олимпъ е наибольій сведокъ ове велике борбе; Симоа, коя е валяла тѣла, шлемове и оклопе, како побѣдителя, тако и побѣђены. Здравствуй Идо, одмору богова! здравствуй и ты скривеный Гаргару! . . . Айдмо тамо на она поля, коя полива Ились и Киѣись, места почитаня достойна, гди е изъ рода на родъ долазила науколюбива младежь; ето места, гди е Платонъ, сладкимъ убеђенѣмъ владао надъ срцама людій, гди е Димостенъ бацао громове свога красноречія на издайнике и на тиране. Кадъ угледасмо Атину, обузе намъ душу чувство туге и удивленя. — . . . О поето, о любимче муза, кадъ е нога твоя ступила на прахъ, кой е произишао изъ пепела Есхина, Софокла, Еврипида и Пиндара, теби сузе потекоше. А ко ће се томе чудити? то е драгій и чувствителный сынъ, кой е у тужој усамљности нашао пепео свои предака. —

МУДРАЦЪ, ВЕШТАКЪ И ПОЕТА,

на развалинама древности Грчке.

(съ французскогъ.)

Славни мудрацы, чувени вештацы, безсмртни поете пођите са многъ у обясятелно полѣ поезіе! Одо смо да видіо славну Грецію, гди почиваю Омировы юнаци. Гробови юнака, пробуђены нашимъ гласомъ, казаће намъ да божественый пѣваць, кой е отргао имена нѣнова изъ наручія забравности, ніе обезсмртіо само уображенѣ своѣ. Даймо истини траюћи и постояный основъ, као што су стихови поете. Покажимо, да е првый поета, и историкъ првый; да е истинитъ у своѣмъ приповѣданю као што е истинитъ у своѣмъ чувству; да е могао увеличати своѣ юнаке, али да ій никако самъ ніе створио; да е могао украсити позориште нѣнове славе, али да га ніе самъ створио. О вы живописци, повратите съ вашомъ вештиномъ у животь ове величествене ликове удалны векова. Вы сте кадри ово чудо учинити; а славный поета, узевши лиру, подигну ће подъ своимъ развалинама закопану Грецію као Амеріонъ Тиву. Ово велико тѣло безъ живота оживиће, и мы ћемо видити, да се подиже и устае овай божественый скелетъ човечіегъ рода и поноса, као да га е гласъ пророка пробудіо. На нѣновъ моћный позивъ добиће забрављена места свою древну снагу и саяность. Планине и стѣне, и зелене пештере угледаће своѣ полубогове; дворови, гимназіе; изићи ће изъ свои развалина; скупочный мермеръ Парскій, кой украшава данасъ обиталиште непросвештеногъ паше, повратиће се на своѣ право место; у Храмъ Минерве, Диане, Бахуса и Аполона; древни градови быће испуњни своимъ првимъ обитательима: я видимъ опетъ Тиву и нѣногъ Епаминонда, нѣногъ Пиндара и нѣногъ Исіода,

Гле, та Віотія вреди више, него слава нѣна! Ево Лезвосо, кой се іошть и садъ своимъ Питайусомъ слави, чествујући нѣговъ споменъ и пренебрегаваюћи нѣгове примере. Видимъ Митимну, Антису Митилину; у нѣо-вимъ горама повторава одзвѣвъ умилне и божествене звуке Аріона, Анкиса, Сапере и Терпандра. . . А зарѣ тебе да заборавимъ, класичный предѣлу, кой си видіо, како се Грцы съ Троянцима боре. Олимпъ е наибольій сведокъ ове велике борбе; Симоа, коя е валяла тѣла, шлемове и оклопе, како побѣдителя, тако и побѣђены. Здравствуй Идо, одмору богова! здравствуй и ты скривеный Гаргару! . . . Айдмо тамо на она поля, коя полива Ились и Киѣись, места почитаня достойна, гди е изъ рода на родъ долазила науколюбива младежь; ето места, гди е Платонъ, сладкимъ убеђенѣмъ владао надъ срцама людій, гди е Димостенъ бацао громове свога красноречія на издайнике и на тиране. Кадъ угледасмо Атину, обузе намъ душу чувство туге и удивленя. — . . . О поето, о любимче муза, кадъ е нога твоя ступила на прахъ, кой е произишао изъ пепела Есхина, Софокла, Еврипида и Пиндара, теби сузе потекоше. А ко ће се томе чудити? то е драгій и чувствителный сынъ, кой е у тужој усамљности нашао пепео свои предака. —

СТРАНЕ НОВОСТИ.

— Краљица Енглеска 16. Авг. повратила се у Енглеску. Она е паризку войску са 25 хил. франака обдарила.

— Одъ некогъ времена иде турска войска съ Дунава опетъ у Балчикъ и у Варну, одакле ће се навозити у Азію; изъ Русчука отишао е Османъ-паша са іошть 4 паше и са 8—9000 войника. За остале трупе ніе іоште ништа опредѣлено.

— У Русчуку запалио се 29. Юлія магацинъ, гдѣ су фишеци, и тымъ е узрокомъ изгорело іоште 38 кућа; штета се прецѣнено на 12 миліона гроша. Баруть ће се другій донегі одма изъ Шумле.

— Паризъ е іошть еднако препунъ гостию. Преко 640 хиляда странаца има; кои сви скупа око 10 миліона франака свакій данъ троше. Овакву скупоћу у свачему Паризъ непамяти.

— Омер-паша непрестано у Цариграду настои око тога, да се ратъ съ Русима опетъ на Дунаву отвори, у томе осимъ остали подпомаже га врло Исмаил-паша.

— Напредкомъ рускимъ у Азію охраблѣный король одъ Бокаре, понудіо е рускомъ генералу на граници Кокана своѣ услуге, да 5 хил. люди и неколико топова на рѣку Оксусъ пошаль. Шахъ Перзискій такође стои са 20 хил. войника близу Мушида, и готовъ е да помаже русской войсци противу Киве и Кокана.

— Енглеска краљица са своимъ мужемъ и своимъ своіомъ децомъ посѣтила е гробъ старогъ Наполеона.

— Руска войска, коя е была Ерзерумъ притеснила, повукла се опетъ натрагъ.

Течай новаца: среб. 18%; дук. 5 фор. 31 кр. банки.